

Боевой гость на крепостной стене у ворот Сюаньюменя звучал невнятно и глухо, а Великий император по-прежнему таращил глаза.

Изначально он думал, что ему снится сон. Проснувшись утром и по сей день, он в полном оцепении провёл целый ряд мероприятий: утреннюю аудиенцию, приём пищи, просмотр докладов, — всё это время пребывая в каком-то полутрансе, словно глядя историческую драму.

Ближние евнухи и служанки от рождения были донельзя осторожны и осмотрительны, они едва успевали спасать собственные шкуры, поэтому в упор не заметили, что с Императором творится что-то неладное.

Лишь после наступления темноты Ю Цун наконец сообразил: ему вовсе не снится сон, он и вправду переродился в другом мире.

Запретный город, драконьи одежды и корона — это вовсе не плод деталей его собственного воображения, они существовали наяву!

Евнух был настоящим, фарфоровые вазы и чаши были настоящими, и даже этот блистательный, роскошный Дворец Небесной Чистоты был самым настоящим!

Он снова перевернулся на другой бок, и его шею пронзительно защемило от вышитой золотой нитью нефритовой подушки.

Я что... вздремнул и стал императором?

И как с этим играть? Если поспать ещё раз, получится вернуться назад?

Великий император резко сел и протянул руку, чтобы потереть лицо.

Хуан Цзинь, дежуривший за пологом кровати, почувствовал, что Император ворочается уже пол ночи, и осторожно осведомился: — Ваше Величество?

Ю Цун замер и, подбирая тон, произвел: — Кажется, Я совсем свихнулся от сна.

— Папаша, скажи Мне, какой нынче год?

Хуан Цзинь не стал слишком усердствовать в раздумьях и мягко ответил: — Отвечаю Вашему Величеству: ныне седьмой год Цзяцзин.

Цзя? Цзин!

Я вселился в императора Цзяцзина, Чжу Хоуцуна?!

Хотя у династии Великая Мин было немало императоров, а её история тянулась долго и дурно пахла, судьбы нескольких правителей и связанные с ними отрезки истории отпечатались в его памяти донельзя чётко.

Знаток гастрономии Чжу Гаочи, который напрочь растолстел до собственной смерти и передвигался исключительно с поддержкой евнухов.

Хозяин зоопарка Чжу Хоучжао, обожавший держать любовников и мальчиков-фаворитов, построивший во дворцких покоях целый зверинец, где собирал всевозможных львов, тигров, леопардов и пантер, а в порыве умопомрачения объявивший себя военачальником и отправившийся воевать.

Маньяк-бессмертный Чжу Хоуцун, изо дня в день писавший заклинания и выплавлявший золотые пилюли, жаловавший даосским жрецам титулы и жалованья, самозабвенно постигавший секреты вечной жизни и ленившийся даже являться на аудиенции.

Выходит — я и вправду, вправду переселился в этого императора-бессмертника Чжу Хоуцуна?

Слава богам, что не угораздило переродиться в какого-нибудь неудачника вроде Чунчжэня или Тунчжи.

По спине Ю Цуна пробежал холодок, и он подумал: хорошо хоть середина эпохи Мин на дворе, в эту пору Великая империя Мин ещё не загнулась, её вполне можно спасти.

Этот самый Чжу Хоуцун изначально происходил из удельных князей, однако его братец-император не только любил басовито куролесить, но перед внезапной кончиной не оставил после себя ни единого потомка. Государственным делам пришлось волей-неволей перейти к этому брату, который мирно наслаждался жизнью в качестве удельного князя в Хубэе, так что трон достался ему даром.

Чжу Хоуцун взошел на престол в столице в пятнадцатилетнем возрасте, и ещё не успев толком въехать в город, уже вовсю препирался и тягался с престарелыми сановниками во дворце. Жил он в общем-то вольготно и беспечно, совершенно не обращая внимания на нудную болтовню министров и поступая ровно так, как заблагорассудится.

А нынче он сам даже не знает, как величать этого старого евнуха, по дворцу перемещается исключительно на паланкине на автопилоте, разительно напоминая беспомощного инвалида.

Ю Цун мысленно вздохнул, и в его голове внезапно всплыло имя.

Если при дворе и остался хоть кто-то, кому можно доверять и с кем можно сблизиться, так это он.

Лу Бин — единственный при династии Мин сановник, совмещавший три высших гражданских и три высших военных титула, сын кормилицы самого императора, закадычный друг детских лет и преданный сподвижник, готовый отдать жизнь, чтобы вытащить императора из пламени на собственной спине.

По степени близости и давности знакомства это был человек, которому можно доверять всю жизнь.

В древности не существовало ни пожарных машин, ни каких-либо средств защиты. И раз уж этот господин Лу в одиночку бросился в огонь, чтобы вынести на себе императора, это была самая настоящая дружба, спасшая жизнь.

Ю Цун покрутил мысли в голове и кое о чём вспомнил.

Нынче на дворе лишь седьмой год Цзяцзин, и господин Лу — всего лишь рядовой стражник Цзиньвей, до поры его звёздного часа со всеми беспредельными почестями еще далеко.

Ну да ладно, для начала стоит разобраться с общим положением дел.

— Папаша, позови Лу Бина, у Меня к нему разговор.

Успокоив мысли, он подумал, что сегодня ночью уснуть всё равно не удастся, так что лучше сразу прояснить некоторые моменты.

Он угодил в династию Мин столь диковинным образом, без всякого пролога и предыстории — это почище любого экзамена на слепую сдачу.

Если бы попаданцы угодили в гарем или в простое крестьянское семейство, ещё куда ни шло: тянул бы лямку да ждал смерти, глядишь, со временем и привык бы.

Но у него ситуация иная.

Императору предписано судьбой восседать на утренних аудиенциях и править страной.

Если он вздумает и дальше подражать прежнему хозяину и десятилетиями лентяйничать в даосских обителях Западного парка, его совесть будет мучить его до одури...

Служанки услужливо подступили ближе, чтобы помочь ему сменить одежды. Ю Цун между

делом затребовал чайник горячего чаю, думая про себя, что хоть повезло родиться Верховным Правителем Девяти Небес: даже если что-то пойдёт вкривь и вкось, никто не посмеет задавать лишних вопросов или выказывать подозрения.

А если и заподозрят — что с того? Его душа переселилась сюда из другого мира, а прежний хозяин, скорее всего, загнулся во сне от передозировки пилуль, отправившись прямо за пределы лазурных небес на свидание с Нефритовым Императором.

Не успел он пригубить и полчашки чая, как из-за пределов залы донёлся голос вестника.

Евнух Хуан осторожно заглянул в лицо императору и робко доложил: — Ваше Величество, командир отряда Лу уже прибыл.

Император слегка качнул рукой, приказывая остальной прислуге удалиться.

Под тяжелый скрип деревянных дверей в залу быстрыми шагами вошел мужчина в наряде с узором рыбы-лиу.

Ю Цун рассеянно поднял взгляд — и тут же замер.

Стоявший перед ним на коленях Лу Бин излучал суровую, леденящую ауру обнаженного клинка.

У него были глубокие глаза и длинные брови, а поза вечной боевой готовности напоминала пантеру, готовую в любую секунду броситься на добычу.

Когда Чжу Хоуцун пятнадцатилетним юношей вступил во дворец, у него не было ни старших покровителей в столице, ни четкого плана, как усмирить доставшийся ему в наследство двор.

Тогда расстановка сил во дворце уже устоялась, внутренний кабинет кишела сановниками, а реальная власть покоилась в руках хитрого лиса Янь Тинхэ.

Именно он, подобно верному имперскому псу, бесшумно и безжалостно устранял всех, кто вставал на пути, шаг за шагом защищая пылкого юного императора Цзяцзина, пока тот прочно не уселся на троне во Дворце Чяньцин.

Ю Цун долго молчал, чувствуя, как всё вокруг становится всё более отчетливым и осязаемым.

Нынче он — владыка этого Запретного города, господин этого холодного клинка.

И по этой дороге, пусть даже против воли, придётся шагать сжав зубы.

Хотя он давно привык к благам современной жизни, и сюжетная линия дальнейшей судьбы этого императора была ему известна наперед, оказавшись в этой эпохе впервые, он не имел ни малейшего понятия ни о дворцовом этикете и регламенте, ни о расстановке фигур.

— Лу Бин, мы с тобой росли вместе с детских лет, не так ли? — немного подумав, негромко произмолвил Ю Цун.

Многие воспоминания сохранились туманно, и он не был уверен в их точности.

Забудь он чьё-то имя и позови какого-нибудь случайного зеваку — тут же разразился бы скандал.

Лу Бин стоял на коленях; хотя он и не понимал, с чего бы императору вдруг заводить такие речи, он лишь опустил глаза и кивнул.

Ю Цун с легкой головной болью снова вздохнул и тихо вымолвил: — Последние дни Меня мучают мигрени, многое ускользает из памяти.

Его голос звучал холодно, низко и с легким хриццовым бархатом.

— Я велел позвать тебя в полночь, потому что хочу прояснить кое-какие вопросы.

В такой момент оставалось лишь притворяться потерявшим память глупцом и вытягивать из собеседника нужные сведения.

Хотя Лу Бин внутренне изумился, он не посмел задать ни единого лишнего вопроса и лишь твердо ответил: — Ваш слуга ответит на всё, что знает.

Ю Цун не стал церемониться и перешел к делу: — Нынче седьмой год Цзяцзин, сколько Мне лет?

— Отвечая Вашему Величеству: Вы только что отпраздновали день рождения шестнадцатого дня девятого месяца, Вам исполнился двадцать один год.

Совсем еще юн.

Великий император помолчал несколько секунд и снова заговорил: — Принеси зеркало.

Ему и впрямь захотелось взглянуть, как выглядит здешний император.

Бронзовое зеркало эпохи Мин давало тусклое отражение с желтоватым отливом. Ю Цун

повертел его в руках и навел на собственное лицо.

Юноша в зеркале был бледен и худощав, с продолговатыми фениксовыми глазами.

Он замер, склонил голову то в одну, то в другую сторону и небрежно изобразил две разные гримасы.

Стоило ему приоткрыть рот, как наружу выглянули два аккуратных маленьких клыка.

Ю Цун опешил и машинально провел языком по острым клыкам, внезапно поймав себя на мысли, что его собственное беспристрастное отражение выглядит несколько забавно.

Неудивительно, что императорам положено улыбаться не показывая зубов, сохраняя неизменно суровое выражение лица.

Если выставить напоказ пару таких клыков, от бывшего императорского величия не останется и следа.

Он холодно фыркнул и снова принял каменное выражение лица.

Лу Бин бесшумно ожидал в стороне, делая вид, будто вовсе не заметил только что разыгравшейся сценки.

Ему всё крепче казалось, что сегодняшний император неуловим и странен.

Он стал куда мягче прежнего, а натянутая до предела струна его нервов явно ослабла.

— Где ты сейчас несешь службу?

— Командир отряда седьмого ранга в Цзиньивей, — подобострастно опустив взгляд, ответил Лу Бин.

Ю Цун окинул его оценивающим взглядом и подметил еще одну деталь.

Хотя чин господина Лу был невысок, на нем красовался наряд с узором рыбы-лию — явный знак высочайшего монаршего благоволения, дарованный лично императором Цзяцзином после прибытия во дворец.

Этот наряд изначально происходил от парадных одеяний *иса* эпохи Юань, а позже превратился в особую дарственную одежду, уступающую лишь мантиям с питонами — этаким аналог желтой цибаховской куртки времен Цин.

— Отныне ты неотлучно при Мне, без важных поручений никуда не отлучайся, — стиснув зубы, приказал он. — О Моих мигренях никто не должен прознать.

Лу Бин понимающе кивнул и тихо произнес: — Желаю Вашему Величеству крепкого здоровья.

Теперь от этой роли императора не отвертеться: хочешь не хочешь, а править придется, иначе гибель Великой Мин на его совести сделает его вечным преступником в глазах потомков.

— Не стой на коленях, садись ближе.

Сейчас царила ночная тишина, и выпадало как раз такое время для передышки, когда можно было спокойно обо всем побеседовать.

Один сидел, опустив глаза и затаив дыхание.

Другой делал вид, будто попивает чай, долго не решаясь начать.

С чего же начать разговор?

Потолковать о государственных делах при дворе? Спросить, кто из чиновников плетет интриги?

Вряд ли.

Ю Цун мысленно отбросил эту затею.

У него была склонность к неузнаванию лиц; не будь у Лу Бина столь суровой чеканной ауры, глубоких глаз и высокого переносица, он бы его просто не запомнил.

Вопросы внешней политики придется отложить до тех пор, пока он не примелькается людям и не выучит имена всех ключевых фигур.

Тогда, может, расспросить о великих и малых делах во внутренних покоях?

При этой мысли Великий император окостенел.

До него запоздало дошло: с его-то ориентацией в здешних суровых реалиях он — махровый латентный гурман по мужской части.

Он с детских лет терпеть не мог общаться с женщинами, а от сватовства бежал при первой

возможности.

Беда в том, что теперь ему досталось в наследство это государство, и целый гарем наложниц наверняка ждет не дождется императорского ложа — что же делать дальше?!

Может, сигануть в колодец попытать счастья? Вдруг удастся прорваться обратно?

Ю Цун машинально помотал головой, легко кашлянул и с напускной естественностью осведомился: — Сколько всего наложниц в Моем гареме?

Лу Бин, будучи человеком из Цзиньивей, имел некоторые точки соприкосновения с Внутренним ведомством и тому подобными структурами.

Поразмыслив мгновение, он припомнил: — Одна императрица, две благородные супруги, девять младших супруг-пинь — примерно так.

Не так уж много.

— Однако будущей весной во дворец снова наберут партию отборных девиц для смотра.

— Ни к чему! — машинально выпалил Ю Цун.

Лу Бин опешил и поднял на него взгляд: — Ваше Величество?

Обо всём остальном еще можно потолковать, но заводить жен — увольте.

Сообразив, что коснулся щекотливой темы, Ю Цун почувствовал некоторую растерянность в мыслях, махнул рукой и с горькой усмешкой произнес: — А нет ли какого способа... обойтись без отбора?

Вопрос звучал... ну просто феерически по-идиотски.

Какой же император не заводит целый гарем дворцов и жен?

Желание выжить и уберечься от назойливых увещеваний министров, словно стайки сварливых баб, заставляло бы его укладывать в постель толпы ни в чем не повинных женщин, словно племенной жеребец.

Но даже укладывая он их хоть круглый год без продыху, в гареме всё равно останутся несчастные, обделенные вниманием женщины.

А главное — он сам чистейшей воды пассив, для него пределом мечты было бы дожидаться милого муженька, который уложит в постель его самого, с какой стати ему делить ложе с другими...

Лу Бин снова замолчал на мгновение и вдруг обмолвился: — Вообще-то, можно.

Даже можно?

Ю Цун на секунду завис и изумленно переспросил: — Каким образом?

Хотя Лу Бин не понимал, отчего император озаботился столь странной вещью, он всё же в общих чертах пояснил ситуацию.

Предпредыдущий император, то есть батюшка ненадежного директора зоопарка Чжу Хоучжао, проявил себя на удивление надежным правителем.

Мало того, что надежным, так еще и верным до гроба: он прожил всю жизнь в моногамии с наследной принцессой Чжан, состарившись с ней рука об руку до самой смерти и не взяв в жены никого другого.

В его гареме пребывала лишь одна императрица Чжан.

Нынче императрица Чжан превратилась во Вдовствующую императрицу Чжан, и оставалось только гадать, что она чувствует, вспоминая о былом эксклюзивном фаворе.

Выслушав этот рассказ, Ю Цун первым делом подумал вовсе не о том, как приторно сладка эта история любви, а о том, не попаданцем ли был тот император.

Во всей династии Мин он оставался единственным правителем, выбравшим моногамию и верность до гроба.

Впрочем, если подумать, попадись ему самому покладистый суженый, он бы и сам с радостью зажил тихой семейной жизнью, куда посторонним вход заказан.

Раз уж угораздило сюда перенестись, вероятнее всего, придется короновать себя званием одиночки на всю жизнь.

Он вздохнул и тихо проронил: — Я понял.

Он по-прежнему рассуждал категориями человека XXI века, из-за чего излишне трепетал перед министрами.

Если оглянуться на историю, кто из минских императоров жил без самодурства и распущенности?

Желал почивать в эксклюзивной ласке — превращал шесть дворцов в пустые декорации.

Жаждал круглосуточных пиров и песен — переделывал Запретный город в зверинец, выпуская любовников бегать повсюду.

Пускай в делах правления он пока плавал, но тяжесть с души всё же немного отлегла.

Слава богам, что он угодил не в династию Цин с ее удушающими до смерти правилами приличия.

Оставив лазейку про запас, Ю Цун уточнил титул главного евнуха и общую обстановку в гареме, после чего осторожно закинул удочку: — Что до имперских наследников...

По его воспоминаниям, потомство у императора Цзяцзина должно было появиться лишь спустя десяток лет.

Но если бы эту обязанность переложили на него лично, проще было бы сразу кинуться в колодезь.

— Четыре принца, две принцессы, — не задумываясь, отрапортовал Лу Бин, словно не заметив нотки сомнения в его голосе. — В прошлом году на свет появились трое принцев, наследнику уже два года, а принцессы вот-вот отметят первый месяц.

Ю Цун, делавший в этот момент глоток горячего чая, с облегчением выдохнул: — Прекрасно. Ступай за бумагой и кистью, а после можешь идти.

Лу Бин кивнул, поднялся, отыскал в боковой зале письменные принадлежности, аккуратно растер тушь и, вновь отдав поклон, удалился.

Неужели... я и вправду не вернусь?

Ю Цун снова бросил косой взгляд на чужое лицо в зеркале, ощутив укол горького разочарования.

Он всё еще тосковал по интернету и благам цивилизации. И пусть теперь он восседает на троне Верховного Правителя Девяти Небес, что-то толку?

Здесь даже кинотеатров не было, прямо ссылка образованной молодежи в глухую деревню на

перевоспитание.

Император поломал голову над дилеммой, взял кисть на манер перьевой ручки, слегка обмакнул в тушь и набросал на рисовой бумаге примерный каркас мыслей упрощенными иероглифами.

На часах, наверное... часа три-четыре утра?

О внешних делах пока ни черта не известно, на утренней аудиенции он никого в лицо не знает — придется пару месяцев покрутиться во дворце, чтобы хоть примерно освоиться со структурой ведомств и их расположением.

Во внутренних покоях наложниц немного, наследников хватает.

Раз уж выпало остаться здесь императором, первое, что нужно защитить — это малышей, еще лепечущих в колыбелях.

Пускай он не уверен на счет точности своей памяти, раз уж дети появились на свет, он обязан о них позаботиться.

А вдруг... и вправду приснилось?

Оберегая сон затуманенными глазами, император отложил кисть в сторону, зевнул и прямо за столом уткнулся носом в бумаги.

— Ваше Величество?

— Ваше Величество...

Хуан Цзинь снова тихонько позвал его, смертельно боясь навлечь на себя императорский гнев: — Утренние росы тяжелы и холодных ветров полны, не изволите ли перебраться в спальню на покой?

Ю Цун потер глаза, спросонок снова поднимаясь с места, и обнаружил, что на его плечах наброшена лисья доха, согревающая на редкость уютно.

Убедившись, что вокруг по-прежнему простирается древняя обстановка, он с легким привкусом досады вздохнул.

Выходит, возврата и вправду нет.

— Который час? — медленно поднимаясь, промолвил Ю Цун, позволяя Хуан Цзиню семенящим шагом следовать за собой.

— Мао.

— Во сколько там обычно аудиенция? — он резко обернулся, охваченный паникой человека, опаздывающего на работу.

— Докладываю Вашему Величеству: нынче день отдыха, ранняя аудиенция не полагается, — поспешно зачастил Хуан Цзинь. — Утренний трапезный стол уже подан.

Трапезный стол?

Ю Цун замер, мысленно возвращаясь к вчерашним трем приемам пищи, не оставившим никакого следа в памяти.

Хоть у него и оставалось предчувствие, что он и вправду переродился, в душе он наотрез отказывался принимать реальность, поедая яства в полубессознательном состоянии и даже не распробовав их вкус.

Раз уж он обосновался во дворце, элементарную потребность вкусно поесть и сладко попить удовлетворить должны.

Император распахнул полы одеяний, проследовал в главную залу, интуитивно отыскал свое место и сделал знак подавать кушанья.

Служанки поочередно вынесли блюда: три-четыре горячих супчика, пять-шесть мелких тарелок с овощными и мясными закусками, исходивших паром.

На главное подали бобовый суп с рисом, а овощи выглядели как-то непривычно по сравнению с современными, так что опознать их сходу не получалось.

Ю Цун окинул еду внимательным взглядом дегустатора исторических хроник, мысленно заключив, что выглядит неплохо.

Тушеные свиные ножки с требухой отличались нужной жирностью, жареные мелкие желтые горбыли хрустели и источали аппетитный дух, к тому же нашлась порция креветок по-озерному, внешне и цветом донельзя напоминавших современные, только вот сами креветки оказались чересчур тщедушными.

Пресновато, впрочем, северяне отродясь не жаловали острые специи.

Он неторопливо закончил утреннюю трапезу, подозвал евнуха Хуана и, взвесив в уме обстоятельства, осведомился: — Час утренних приветствий в гареме еще не подошел к концу?

— Докладываю Вашему Величеству: матушки-наложницы, судя по всему, уже завершили приветствия у вдовствующей императрицы и ныне вновь выказывают почтение императрице во Дворце Земного Спокойствия.

Император потрепал подбородок, в голове у него забрезжили первые соображения.

Будучи человеком современного склада, он всегда питал склонность к доле амбиций и жару энтузиазма.

Ю Цун неторопливо поднялся на ноги и через оконный переплет окинул взглядом безмолвный Запретный город.

Пара минувших столетий китайской истории выглядели донельзя жалко.

Бестолковых императоров при династии Мин оказалось слишком много, из-за чего страну запросто захватили национальные меньшинства. Цинская династия переняла у предшественников лишь худшее, затворила ворота перед миром, а потом огребла Опиумные войны от заморских чертей, подписывая неравноправные договоры охотнее, чем ростовщики.

А эта островная японская самурайская братия, чей внутренний грызней хватало лишь на мелкие пакости в Фуцзяни — стоило им объединиться, как они добрались до цинских берегов, хлебнули сладкого вкуса вестернизации и вмиг превратились в Великую Японскую империю, направив жерла корабельных орудий на Китай, некогда называемый ими отцом, и открыв огонь громовыми залпами.

Его собственный нрав всегда отличался легкомыслием, и, оказавшись здесь в роли императора, он вряд ли сможет соблюдать чинную и строгую серьезность.

Но багаж знаний, накопленный в современности, и знакомство с передовыми технологиями в любом случае чего-то да стоили.

Раз уж он угодил в императорское кресло, засучить рукава и заняться сельским хозяйством, как следующий Юань Лунпин, пожалуй, не выйдет; не получится и смастерить по методу Нобеля или Кольта шрапнельную пушку с раскатистым бабахом, но он — хозяин этой династии, держащий в руках рулевое колесо и направляющий Великую Мин вперед.

Ю Цун поразмыслил мгновение, мысленно предавшись абсурдным фантазиям вроде бомбардировки Японии, после чего легко кашлянул и отдал приказ: — Выдвигаемся во Дворец Земного Спокойствия.

Как бы то ни было, для начала стоит навести порядок во внутренних покаях, а уж потом неспешно разбираться с делами внешнего двора.

<http://bllate.org/book/20063/1984640>